

Петрония и заключается в его стиле, который выражается и в образах, и в композиции, и в языке.

При анализе стиля и языка римских писателей авторы учебника почти всегда дают не цитаты из произведений, а лишь цифрами отсылают читателя к той или иной строфе или своими словами передают содержание этих цитат. Это придает сухость изложению материала и абстрактность положениям авторов.

Считаем необходимым сказать о некоторых более частных недостатках учебника.

В главе «Древнейшая литература эпохи становления римского рабовладельческого государства» дается материал, который совсем не соответствует названию главы: разбираются трудовые песни, религиозные гимны, востольные песни (стр. 21—23), которые существовали задолго до появления первых признаков рабовладельческой формации и государства.

Вопреки утверждению авторов учебника, латинский язык не «распался» механически на романские языки (стр. 10), а послужил основой для их образования. Вызывает полное недоумение следующий абзац на стр. 206: «В личной инвективе Катулл близок к присущим фольклору злобным нападкам и, как уже указывалось, тоже не поднимается до обобщений и рассуждений. В связи с этим и язык мелких стихотворений имеет ряд особенностей, указывающих на единство формы и содержания. Здесь нет ярких описаний, язык конкретен и небогат». Прежде всего здесь выражен неверный взгляд на всякий фольклор, в том числе и на римский. Только мало зная фольклор, можно утверждать, что ему «присущи злобные нападки», «которые не поднимаются до обобщений и рассуждений». Хорошо известно, что в лучших фольклорных произведениях народ дал образы самой жизни, поднимающиеся до ярких обобщений. Неправы авторы и в оценке языка сатирических эпиграмм Катулл: язык их живой, меткий и в отношении словаря богатый. Трудно было бы ожидать «описаний и рассуждений» в сатирических стихотворениях, где на первом плане — выражение чувств поэта, клеймящего язык общества.

При расположении материала раздел об ателлане и миме следовало поместить до главы о творчестве Плавта, поскольку комедии этого плебейского драматурга теснейшим образом связаны с ателланой, выросли на ее базе.

Плохо составлено оглавление учебника. В нем даются лишь названия тех политических группировок, на которые авторы учебника разделили всех римских поэтов, но отсутствуют имена писателей: читателю, чтобы найти материал о том или ином писателе, надо перелистать всю книгу.

В учебнике слишком мало иллюстраций, а подбор их не совсем удачен. В иллюстрациях слабо представлены как раз те области искусства, которые, по указанию авторов учебника (стр. 12), достигли в древнем Риме наиболее высокого развития: архитектура и портретная скульптура.

В целом рецензируемый учебник, хотя он и не лишен некоторых недостатков, из которых одни являются более существенными, а другие мелкими и легко исправимыми, является ценным для студентов, так как материал дан в основном с правильных методологических позиций и изложен простым и ясным литературным языком.

А. Ф. Лосев, Н. А. Тимофеева

ЛУКИАН, Избранные атеистические произведения, редакция и вводная статья А. П. Каждана, М., Издательство АН СССР, 1955, 335 стр., тираж 10 000 экз., цена 12 р. 80 к.

Еще в начале 1922 г. В. И. Ленин указывал на необходимость переводить и широко издавать «боевую атеистическую литературу конца XVIII века»¹. По существу ленинское указание относится ко всем лучшим произведениям мировой атеистической мысли. В этой связи особого одобрения заслуживает инициатива Института истории Академии наук СССР, приступившего к изданию «Научно-атеистической библиотеки».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 203.

Первыми в «Научно-атеистической библиотеке» вышли избранные произведения Лукиана Самосатского, великого греческого сатирика-демократа II в. н. э. В новом издании собраны наиболее значительные атеистические сочинения греческого писателя, среди которых находятся и знаменитые «Разговоры богов». Подбор сочинений в общем не вызывает возражений. Удивляет лишь то, что составитель, включив диалог византийского времени «Патриот, или слушающий поучения» (псевдо-лукианов диалог X в. н. э.), опустил весьма важный для истории религии трактат «О сирийской богине» и не дал отрывков из повести «Лукий, или осел», где Лукиан разоблачает развратных и вороватых жрецов богини Кибелы. Между тем оба произведения характеризуют типичное для Римской империи II в. распространение восточных верований.

В вышедшей книге частично воспроизводятся отредактированные переводы из издания Лукиана 1935 г., частично публикуются новые. Все переводы выполнены вполне удовлетворительно и дают ясное представление о художественной манере Лукиана.

В рецензируемое издание включены как старые, взятые из двухтомника Лукиана 1935 г., но заново отредактированные переводы, так и новые. Степень редактирования переводов в общем невелика, но это не является недостатком нового издания и объясняется главным образом тем, что «старые» переводы в своем подавляющем большинстве вполне удовлетворительны и в них потребовалось внести лишь отдельные изменения и уточнения.

Так, в «Морских разговорах» (перевод С. Лукьянова), как, впрочем, и в других произведениях, включенных в сборник, редактирование свелось к одному-трем изменениям в переводе каждого из диалогов, составляющих это произведение Лукиана. В диалоге № 16 — «Диоген и Геракл» — «Разговоров в царстве мертвых» (стр. 103) — изменен лишь перевод концовки, но это изменение существенно улучшает перевод и делает его более понятным.

Б. В. Казанский сам весьма основательно отредактировал свой перевод диалога «Прометей». В новом варианте перевод определенно выигрывает.

В издание включены и новые переводы: С. П. Маркиша — «Совет богов», «Зевс-трагик» (о переводе заголовка будет сказано ниже) и «Зевс уличаемый». Молодой способный переводчик С. П. Маркиш успешно справился со своей задачей: переводы хорошо передают писательскую манеру Лукиана и отличаются определенными художественными достоинствами.

Также справились со своей задачей и переводчицы диалогов «Кронии» (о переводе заголовка см. ниже) и «Патриот, или слушающий поучения» — С. В. Полякова и И. В. Феленковская.

На стр. 98 («Разговоры в царстве мертвых» — «Диоген и Александр») встречается опечатка, не отмеченная в списке: вместо «уже тринадцатый день» надо читать «уже тридцатый день».

Нельзя не обратить внимания и на неточности в переводе заголовков двух диалогов. Один из них — «Ζεὺς τραγικός», («Зевс трагический») переведен — «Зевс-трагик», хотя по содержанию видно, что Зевс декламирует, подобно трагическому актеру, а не сочиняет трагедию. Но так как в русском языке слово «трагик» означает и актера и сочинителя трагедий, то получается нежелательная двусмыслица. Другой диалог «Τὰ πρὸς Κρόνον» (озаглавлен «Кронии», но здесь рассказывается не о мало распространенном в Греции празднике кроний (Κρόνια), а о популярных римских сатурналиях. Таким образом, диалог следовало озаглавить «Сатурналии», как это сделано в издании Лукиана 1935 г.

Довольно тщательно составленные примечания¹ и мифологический словарь разъясняют читателю трудные в реально-историческом плане места.

Трудно переоценить значение вводной статьи к сочинениям древнего автора; она должна ввести читателей в эпоху, жизнь и творчество писателя, кратко и точно, на уровне современной науки охарактеризовать его проблематику.

¹ Правда, в одном случае (стр. 315, примечание к стр. 270 — 272) границы Боспорского царства неоправданно сужены до пределов Крыма.

В статье А. П. Каждана затронуты все названные вопросы, но сделано это довольно поверхностно. Освещая эпоху второй половины II в. н. э., автор то и дело обращается к писателям первой половины I в. н. э. Уместно ли время Лукиана иллюстрировать словами Петрония, рассказывать об «эпидемии самоубийств» при Юлиях - Клавдиях, совсем не типичной для эпохи Антонинов? Такое смещение хронологии только дезориентирует несведущего читателя.

Автор не упоминает об официальном представлении об эпохе Лукиана как о «золотом веке» и всеобщем «римском мире». В буржуазной литературе эта версия в ходу и поныне. Удивляет и полное отсутствие в статье упоминания о «второй софистике», самом примечательном движении в официальной идеологии II в., с которым зрелый Лукиан всемерно боролся.

О жизни и творчестве Лукиана мы получаем самые общие, а иногда и неточные сведения. Сообщается, например, что Лукиан был сыном состоятельного ремесленника (стр. 15), хотя из автобиографического произведения «Сновидение, или жизнь Лукиана» гл. 1, известно, что семья писателя очень нуждалась. По свидетельству Свиды, Лукиан сначала был адвокатом в Антиохии, а затем ритором, а не наоборот, как написано в вводной статье.

По словам А. П. Каждана, современники «почти не упоминают его (Лукиана) имени». Вернее было бы сказать, что никто из современников не упоминает Лукиана: первое упоминание принадлежит Лактанцию, писателю III—IV вв. н. э. (Div. inst. I, 9, 8). Неверно утверждение, что «Петух» — ранний диалог (стр. 19). Это одно из самых зрелых и социально острых сочинений Лукиана, написанное уже после знакомства с творчеством Мениппа.

Вызывает возражение безоговорочное причисление «Похвалы мухе» к серьезным риторическим произведениям Лукиана: нетрудно заметить, что это пародия на модные в то время софистические пустячки, так называемые «парадоксальные энкомии», *ἐγκύβητος ἀδελφῶν*.

В статье А. П. Каждана мы найдем второстепенные подробности, например, о кулинарных фокусах у Трималхиона, богатого вольноотпущенника из «Сатирикона» Петрония, но нет ни слова о философской эволюции Лукиана. В зрелый период творчества Лукиан разделял сначала воззрения демократической и материалистической школы киников, затем — Эпикура. Именно эти философские системы обострили ум писателя, помогли ему сознательно бороться с многочисленными религиозными культами и суевериями своего времени. Говоря о влиянии Мениппа на Лукиана, следовало указать на принадлежность Мениппа к кинической школе и одновременно подвергнуть критике распространенную среди ряда буржуазных ученых компаративистскую теорию Р. Гельма, которая превращает Лукиана в рабского подражателя этого сирийского писателя.

А. П. Каждан в общем правильно характеризует социальную направленность творчества Лукиана. Однако нельзя было ограничиться указанием, что Лукиан — выразитель интересов разоряющихся мелких ремесленников и землевладельцев. Эти, по терминологии Энгельса, «неимущие свободные», жившие в Риме, становились иждивенцами государства и существовали за счет эксплуатации рабов, этот же слой в провинциях, т. е. основная масса населения Римской империи, фактически наравне с рабами был производителем всех материальных благ. Именно его думы и чаяния и выражал Лукиан, выходец из сирийской провинции.

В книге, посвященной атеистическим сочинениям Лукиана, читатель ожидает найти подробный анализ религиозной жизни его времени. И здесь вступительная статья дает слишком общие сведения. Читатель прочтет о распространении христианства, но не узнает, почему оно победило другие религии и стало на определенное время идеологией обездоленных и бедняков. Он не узнает, на какой стадии эволюции христианства критиковал его Лукиан и в чем отличие его критики от полемических сочинений других антихристианских писателей (Цельса, Фронтон и др.).

Не найдет он и важнейшего указания Энгельса относительно причин распростране-

ния в Римской империи восточных культов, религиозного синкретизма и теократии — «потребность дополнить всемирную империю всемирной религией ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам»¹.

К слову сказать, в статье вообще недостаточно использованы принципиальные высказывания Маркса и Энгельса, имеющие прямое отношение к теме.

В заключение нужно отметить неровный стиль статьи. Наряду с попытками беллетризации встречаются стилистические небрежности: «У Трималхона были прототипы в действительной жизни» (стр. 5). Известно, что Трималхион — художественный образ, созданный Петронием на жизненной основе.

В другом месте статьи — Лукиан «осмеивал псевдоученых и тупых гимнастов» (стр. 22). Автор имел, вероятно, в виду учителей гимнасий, в то время как по-русски «гимнаст» — это спортсмен, занимающийся гимнастикой.

На стр. 26 встречается неточное выражение: «... пережил п о д ослиной шкурой».

Заслуживают одобрения приведенные в конце вступительной статьи сведения об изданиях и переводах Лукиана в России, начиная с XVIII в., свидетельствующие о большом интересе к творчеству великого сатирика в нашей стране.

В книге дается краткая библиография, к сожалению, только на русском языке. Не названы даже основные специальные работы зарубежных ученых (например, М. Круазе, Р. Гельма, Х. Виланда и др.), но рекомендуется устаревший примитивный пересказ сочинений Лукиана, сделанный Лукасом Колливином. Нет указания на специальные работы Энгельса по истории религии — «Бруно Бауэр и раннее христианство», «К истории раннего христианства», «Людвиг Фейербах» и др.

Выход в свет сочинений Лукиана безусловно следует приветствовать, но вместе с тем необходимо отметить, что первый выпуск «Научно-атеистической библиотеки» имеет и недостатки, мимо которых нельзя пройти.

Нам кажется, что они объясняются главным образом неясностью целевой установки издания. Издательство и редакторы прежде всего должны решить, выпускают ли они научно-популярную книгу для широкого, специально не подготовленного круга читателей или для более узкого круга специалистов. Но и в том и в другом случае книга должна стоять на высоком научном и идейном уровне.

И. М. Назов, Ю. Ф. Шульц

A. Alt, *Der Stadtstaat Samaria* (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften in Leipzig, Philologisch-historische Klasse, Band 101, Heft 5), B., 1954, 64 стр.

Уже само появление книги с таким названием должно вызвать интерес у всех историков древнего Востока. Заглавие передает основную концепцию всего труда. Самария имела свое городское самоуправление и, в какой-то мере, являлась своего рода государством в государстве. Такой подход автора, известного целым рядом своих трудов по социально-политическим и юридическим вопросам, всегда отличающихся новизной трактовки материала², должен, несомненно, заинтересовать и советского читателя.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674.

² См. A. Alt, *Zur Geschichte von Tunip*, ZDPV. 67 (1945), № 2, стр. 159—162; он же, *Hethitische u. ägyptische Herrschaftsordnung in unterworfenen Gebieten*, *FuF*, 1949, Bd. 25, № 1/2; он же, *Bemerkungen zu den Verwaltungs- u. Rechtsurkunden von Ugarit u. Alalach*, *WO*, 1954.